

Д. В. Майборода

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИАЛОГИКА

Поведенческая экономика сформировалась в англо-американской традиции, где считается, что философия должна прежде всего предохранять от лженаучности науку, изучая ее метатеоретические формы (логические, методологические, этические и пр.). Это подразумевает утверждение идеи науки как соглашения людей, основанного на их объективном опыте, верном порядке мышления и философском установлении ценностей. Философские основания поведенческой экономики обнаруживаются в эмпиризме и позитивизме, скептицизме и номинализме, прагматизме и либерализме, а также диалектике. В этом проявляется ряд параллелей с диалогизмом, что задает возможность разработки синтетической концепции.

Философия понимается разными людьми в разных культурах совершенно по-разному. Во многих странах мира она рассматривается как способность улавливать скрытые причины того, что происходит в мире. Нередко эта способность (ее реализация в философии именуется метафизикой) приобретает религиозный характер. В европейских культурах помимо Великобритании философия часто отождествляется с различным образом реализующими эту способность идеализмом, марксизмом и иррационализмом (прежде всего ницшеанством) и всеми их разнообразными смесями. Они представ-

ляют свои оригинальные картины того, что является сутью происходящего в мире. От этого принципиально отличается доминирующая сегодня в мире англо-американская традиция, выступившая фундаментом поведенческой экономики. В ней вопросы о сущности происходящего, о том, как следует действовать, и о том, на что следует надеяться, отбрасываются как бессмысленные.

В англо-американской традиции философия – прежде всего основа подлинного научного исследования. И важнейшей ролью философии предстает предохранение науки от лженауки. Искушение объявить себя ученым очень велико, поскольку наука сегодня – доминирующая форма мировоззрения. Это значит, что ученым быть престижно, научное сообщество влиятельно в современных обществах, научные исследования хорошо финансируются. Потому совсем нередко мифотворцы, спиритуалисты, теологи, идеологи и спекулятивные (отвлекающиеся от фактов) философы выдают себя за ученых. И для того, чтобы изобличить их, так важно, чтобы философия находила и обосновывала критерии отличия науки от лженауки.

Эта задача важна и потому, что есть большой соблазн для самих ученых подменить собственно научное исследование «диванным рассуждением», то есть спекуляцией. Нередко ученые не могут устоять даже перед тем, чтобы сфальсифицировать данные экспериментов, с целью выдать свои гипотезы за подтвержденные теории. Это – одна из важнейших причин так называемого «кризиса воспроизводимости» (или «кризиса репликации»), широко обсуждаемого в науке начала XXI века. Этот кризис состоит в том, что многие научные эксперименты или наблюдения невозможно повторить, и особенно это касается сферы социально-гуманитарного знания. В некоторых случаях это – результат сложности исследований или того, что в описаниях опытов оказались нераскрытыми важные их аспекты. Но чаще кризис воспроизводимости – результат именно подмены настоящей науки лженаукой. Чтобы очищать науку от лженауки, философия должна исследовать и регламентировать основные параметры деятельности ученых.

Ясно, что сегодня нельзя проверить каждое высказывание или действие ученых на научность. Но философия описывает и предписывает наиболее важные и общие формы научной деятельности – логические и методологические, структурные и стилистические, этические и социально-политические. Эти формы потому называются *философскими основаниями науки*. Иногда в их отношении используется имя *метатеоретические формы*, что подразумевает, что стоят за (мета-) всякой настоящей теории в науке. В некоторых странах они передаются новому поколению ученых в основном напрямую их предшественниками, в других существуют особые дисциплины (такие, как «Философия и методология науки»), в рамках которых информация системно преподается молодым исследователям профессиональными философами. И в том и в другом случае подразумевается, что, познакомившись с философскими основаниями науки, молодые ученые сами смогут отслеживать научность тех высказываний или действий, которые будут задумывать или с которыми будут сталкиваться.

В каждой конкретной науке, дисциплинарной или междисциплинарной области и даже в каждом отдельном исследовании эти метатеоретические формы осуществляются с учетом специфики области исследований. Философские основания поведенческой экономики отчасти – просто частный случай метатеоретических форм науки, но в некоторых аспектах они имеют определенное своеобразие. Даже в представлении самой научности, с одной стороны, поведенческая экономика реализует философское понятие науки на конкретном материале, но с другой – акцентирует или даже раскрывает особые ее значения. Тем самым она задает свой специфический научный характер, отличный от образов научности психологии и экономической теории. Кроме того, это раскрытие новых значений научности может приводить к развитию или преобразованию фундаментального понятия науки и важнейших метатеоретических основ научной деятельности. Однако в то же время ясно, что такое «наведение» на все более точное понимание философских основ науки основывается на традиционном их понимании. И это касается в первую очередь понятия самой науки.

Начиная с Античности, наука понимается как альтернатива частным мнениям. У каждого человека – свой взгляд на мир и на то, что в нем происходит. Наука – то, в чем согласны люди знающие. Это единство создается двумя началами – опытом и порядком мышления. Наука строится на основе фактов, зафиксированных в ходе наблюдений и экспериментов. Данные этих исследований легко проверить, воспроизведя их. Тем самым сама объективность – один из истоков соглашения ученых. Другой исток – правильный порядок мышления. Научное сообщество вряд ли признает ученого, который постоянно противоречит сам себе или совершает элементарные ошибки в рассуждениях. Возможно, избранные гении находят верный порядок мысли сами, большинство же людей для этого нуждается в образовании. Логика – главная наука о правильном порядке мышления, математика – ее ответвление, учение о формах и количествах верно мыслимых предметов. Правильный порядок мышления описывается и другими науками, прежде всего – гуманитарными. Особо ценна среди исследований этого порядка психология.

Поведенческая экономика нередко описывается как результат интервенции психологов в экономическую науку. Экономисты любят говорить об экономическом империализме (распространении принципов экономической теории на другие области человеческого знания), но поведенческая экономика – случай как раз обратный. Это также – не стандартные междисциплинарные исследования, в которых данные нескольких наук обобщаются в единую концепцию. Психологи подвергли сомнению и эмпирическому опровержению важнейшие основы экономической теории, показав, что во многом они – результат спекуляций, не обоснованных ничем, кроме человеческого самомнения, естественных склонностей к ошибкам и зачастую идеологии. Тем самым поведенческая экономика показала, что экономическая теория, как и стандартные междисциплинарные исследования, включающие экономические исследования, недостаточно научны в силу

эмпирической необоснованности философских принципов, лежащих в их основании. Получается, что для научности установленные факты важнее теоретической стройности.

Это, конечно, совсем не открытие в англо-американской традиции и тем более в философии вообще. Поведенческая экономика базируется на традиции бихевиоризма, исследования поведения людей и животных в психологии и биологии. Бихевиоризм же – проявление позитивизма, направления в философии, господствующего в науках с XIX века. В свою очередь позитивизм – не что иное, как этап развития эмпиризма, основного направления британской философии. И, наконец, не следует забывать, что эмпиризм сформировался как возрождение и обновление интеллектуальной традиции, заложенной еще в Античности Аристотелем.

Аристотель утверждал, что чувственное познание, свойственное и животным, люди возводят до состояния опыта в силу развитой памяти. Обобщая разные элементы опыта, люди создают умения (искусства), а устанавливая в них окончательно истинное знание, – науки. Собирая случайные рецепты оздоровления в своей жизненной практике, человек постепенно осваивает искусство врачевания, а, достигая точных и обоснованных знаний в нем, – науку медицины. То, что не выводится из опыта и не проверяется им, и не приводит к знанию, но порождает заблуждения (подобно мифотворчеству Платона и его последователей идеалистов).

Этот по сути античный эмпиризм Аристотеля был дополнен и скорректирован в британской философской традиции несколькими важными элементами. Во-первых, ранее в аристотелизме (особенно средневековом) предполагалось, что обобщение опыта позволяет установить систему истинного знания, из которой можно затем выводить суждения о каждом конкретном случае. Британские эмпиристы же предостерегают, что такая дедукция чревата ошибками. Если ранее мы наблюдали только белых лебедей, то это не дает нам право утверждать, что все лебеди таковы, выводя из этого, что каждый конкретный лебедь, который будет встречен далее, обязательно белый. Всегда остается возможность, что следующий лебедь окажется черным, показав поспешность обобщения и порочность дедуктивного прогноза. Потому наука имеет в основном индуктивную природу, остерегаясь обобщений и тем более дедукции (и в том числе такой ее формы, как прогнозирование). Наука – в не прекращающемся сборе эмпирических данных, а не в самодовольном заявлении, что все уже познано, и не в самоуверенном гадании, что может произойти.

Во-вторых, Френсис Бэкон конкретизировал источники ошибок в исследовании, назвав их «идолами познания». Первое, что не дает познать истину – самомнение («идол пещеры»). Каждый человек склонен считать, что познает все правильнее, чем другие, но это – лишь иллюзия, возникающая из поклонения своей индивидуальности. Второе препятствие познанию истины – принятие авторитета другого человека («идол театра»). Многие почитают того или иного человека как непогрешимого эксперта, но это – лишь иллюзия, создаваемая восприятием исполнения им его роли.

Третий источник заблуждений – вера в общественное мнение («идол площади»). Стереотипы часто закрепляются в языке, а потому для их преодоления в науке нужен особый язык. Наконец, заблуждения могут проистекать и из чрезмерного доверия особенностям познания, присущим всем людям («идол рода»). Например, все люди склонны очеловечивать то, что они познают. Если грибы *Physarum polycephalum* воспроизводят кратчайший пройденный путь в лабиринте и даже умеют найти еще более краткий путь по потолку, то из этого легко сделать вывод, что грибам свойственен интеллект. Однако сделать это возможно, лишь пересмотрев само понятие интеллекта, традиционно связанное с психикой «высших» животных.

Недоверие дедукции и общечеловеческим особенностям познания, а тем более индивидуальным и общественным мнениям, – стандарт скептицизма в последующем эмпиризме. Для того, чтобы противиться человеческой склонности выдавать свои предположения за абсолютное знание, необходим здоровый критицизм (или «мудрое сомнение») в отношении как чужих, так и собственных разработок. Полагаться следует лишь на то, что установлено в конкретных опытах познания мира, максимально точно и детально описанных.

В-третьих, эмпиристы установили стандарт использования математики в интерпретации опытных данных. В европейской науке этот математический «поворот» ассоциируется с Галилео Галилеем, хотя главным его источником следует признать математиков мусульманских стран. Позднее немецкий философ Кант, особо почитаемый в англо-американской традиции, выразил это словами «в каждой конкретной доктрине естествознания можно встретить столько науки, сколько в ней математики». При этом эмпиристы понимают математику не как науку (поскольку она не описывает факты), а как язык науки. Поскольку в гуманитаристике до компьютерной эры математический язык использовался весьма умеренно, то многие эмпиристы отказывали ей в научности. Даже сегодня нередко можно еще услышать от сторонников эмпиризма, что лишь естествознание – наука. Правда, дигитализация социологии, экономики, психологии, культурологии и лингвистики в конце XX – начале XXI в. заставляет даже рьяных сторонников эмпиризма соглашаться с тем, что гуманитаристика также может приобрести научный вид.

Почтение к математике в традиции эмпиризма нередко выливается в сведение философии к логике, особенно в ее математизированном виде. Логика особенно ценится там, где она обеспечивает практически автоматизированную переработку полученных данных и уточняет формы их регистрации. Гораздо меньшее внимание придается тем элементам логики, в которых устанавливаются базовые значения основных используемых понятий. Эмпиристы склонны предполагать, что значения понятий задаются самим опытом и лишь в исключительных случаях нужно прояснение этих значений. Позднее, в XX в., как раз в англо-американской традиции аналитическая философия будет настаивать на прояснении значений понятий как на необходимой для науки философской деятельности. Но, несмотря

на то, что такая работа признается эмпиристами как относительно важная, многие эмпиристы не упускают случая пренебречь знакомством с ее результатами, предпочитая просто трактовать понятия из конкретного контекста проводимого исследования.

Фактически сказанное означает, что ни математика, ни логика не рассматриваются как сами по себе значимые догматические системы. Законы логики и математики формулируются в ходе опытного познания и для его интересов, а потому они постоянно уточняются и изменяются, отражая достигнутый уровень прогресса эмпирических наук. Например, логическая импликация может казаться адекватным отражением объективной причинности. Однако, чтобы признать это соответствие, следовало бы постулировать существование однозначной связи (к тому же опять-таки причинной) объективных фактов и субъективных представлений.

Эта позиция, известная со времен схоластики как «реализм», базируется на точке зрения, что наши понятия вообще соответствуют формам вещей. Наш опыт подтверждает реализм никак не в большей степени, чем альтернативную версию – номинализм, утверждающий, что наши понятия – просто имена вещей, тем менее корректные, чем более они общие. Имена вещей относятся к вещам произвольно, а часто – вообще некорректно (если имена – фикции). Но тогда нельзя и утверждать, что отношение имен и связанных с ними представлений отражает объективную причинность. Более того, то, что причинность вообще существует, – не более чем смелая гипотеза, принимаемая для удобства организации получаемых в опыте данных.

Именно это подразумевается в идее Юма, что причинность – ассоциация двух впечатлений (привычка воспринимать одно впечатление за другим), которая представляется (а не является) необходимой формой отношения событий. А поскольку установление причинности выступает основой всего, что называется «законами природы», то всякое их выделение – лишь полезное предположение. Это же касается и так называемых «законов логики», а также базирующихся на них математических формул. Они выражают приемлемые сегодня способы обработки информации, а не некие абсолютные универсальные принципы мышления. То, что они кажутся современному ученому самоочевидными и всеобщими, никак не гарантирует то, что так оно и есть. Не менее вероятно, например, что в будущем человечество будет вынуждено принять совершенно иной тип логики и математики, который окажется более продуктивным для организации опыта познания мира. Учитывая эту возможность, эмпиристы рассматривают сложившуюся математику и логику просто как удобные средства упорядочивания эмпирического материала, избегая абсолютизации формализмов, заложенных в них. Именно это ограничивает влияние европейского рационализма на эмпиризм, хотя влияние это ни в коей мере не стоит недооценивать.

Крайнее проявление номинализма – фикционализм. В нем считается, что фактически не только все выделяемые в науках законы, но и схемы, описания и даже понятия, используемые учеными, – фикции, просто удобные

и полезные для познавательной деятельности. Фикционализм в особом виде напрямую используется в поведенческой экономике. Например, это происходит, когда предлагается различать «Систему-1» и «Систему-2» (и тем более их метафоры – «стрекозу» и «муравья», «зайца» и «черепаху», «ежа» и «лисицу») как условно отдельных агентов познания и принятия решений, оговариваясь, что в действительности это не так. Даниел Канеман отметил, что было бы гораздо корректнее говорить о «процессах ассоциативного типа» и «процессах рефлексивного типа», комбинирующихся в психике конкретного индивида. Зато схема «Система-1 – Система-2» удобнее, она легко осваивается, воспроизводится и дает отличные результаты для коррекции принятия решений.

В этом есть также проявление прагматизма, философской концепции, разрабатываемой также в традиции эмпиризма, в том числе американскими психологами, и утверждающей, что всякое утверждение в науке должно приниматься как истинное, если оно хорошо работает, то есть приводит к наилучшему научному результату. Прагматизм подразумевает, что познание становится научным не столько вследствие оперирования данными опыта, но и благодаря его практической полезности. Направленность познания на конкретные улучшения жизни – важная составляющая поведенческой экономики, способствующая ее широкой популярности.

Прагматизм – одно из проявлений позитивизма, нынешней версии эмпиризма, которая стала ведущим направлением современной философии, добившись наибольшей влиятельности в мире. Позитивизм признает по-настоящему научными только те утверждения, которые можно проверить в опыте сейчас (принцип верификации) или в будущем, опровергнув ложные (принцип фальсификации). Отрицательные высказывания считаются имеющими небольшую познавательную ценность. Проверяемые опытом утверждения называются позитивными в отличие от нормативных, выявляющих ценность. Позитивные высказывания – регистрация фактов без их оценки, нейтральное их описание. Нормативные утверждения уместны в религии, искусстве, идеологии и философии, но не должны использоваться в науке. То, что они не должны использоваться в науке, – нормативное требование, которое не может содержаться в науке. Эта норма философии, обеспечивающей научность науки. А ведь это в позитивизме и считается основной ролью философии (что описывается апофегмой «философия – служанка науки»).

Ценностная нейтральность науки хорошо сочетается со значимым для поведенческой экономики принципом либерализма, называемым «закон равной свободы». В канонической формулировке Г. Спенсера он гласит: «каждый человек может претендовать на полнейшую свободу осуществлять свои способности, совмещенную с подобной свободой каждого другого человека». Или в более распространенной форме «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». А значит, ученый не может предписывать цели и ценности тем, кого он исследует. Поскольку такое предписание напрямую следует из факта оценки, то и сама оценка по

меньшей мере нежелательна в науке. Австрийская школа утвердила ценностную нейтральность как принцип современной западной экономики. Экономист не должен оценивать цели, которые ставит перед собой деятель, но может лишь сопоставлять разные средства как более или менее адекватные и приемлемые для достижения поставленных целей.

Ценностная нейтральность переплетается с либертарианским требованием минимального влияния государства на общественную и, прежде всего, на экономическую жизнь. Сильный контроль государства за экономикой был бы продуктивен только если он осуществлялся бы на основе научных оценок, однако наука не выносит оценок. Продуктивность экономики потому обеспечивается рынком, институтом самоорганизации общества, в рамках которого каждый гражданин волен сам выбирать свои цели и ценности на свой страх и риск. В принципе эта же свобода свойственна и выбору средств, но поскольку непродуктивные тактики быстро «вымирают», а продуктивные теоретизируются в экономической науке, то подбор средств все же в определенной мере может ограничиваться государством (антимонопольное регулирование, преследование коррупции и нарушений базовых экономических прав). В умеренном либертарианстве считается, что государство может ограничивать те средства, которые наносят прямой вред отдельным гражданам и институту свободного рынка. Фактически это – экономическая составляющая функции «ночного сторожа» (образ того, что государство должно лишь обеспечивать безопасность).

Концепцию «либертарианского патернализма» часто критикуют за то, что в ней поведенческая экономика отступает от ценностной нейтральности и рекомендует государству «подталкивание» (*nudge*) граждан к здоровому образу жизни, альтруизму и даже попросту аккуратности. Тем самым «мягкая сила» ориентирует деятелей на достижение определенных целей и соблюдение некоторых ценностей, хоть и не лишает выбора. На критику можно ответить, что в экономической жизни ряд целей и ценностей также «вымирают», как и непродуктивные средства, но это «вымирание» растянуто во времени и потому неочевидно. Нередко эти цели и ценности «вымирают» вместе с придерживающимися их людьми, что делает это крайне болезненным процессом. Этот процесс изучается медициной, которая тем самым дает научную основу для государственной политики «отталкивания» (типа антитабачной или антиалкогольной рекламы). Однако тактики «отталкивания» плохо работают, часто имея даже обратный эффект. Подталкивание же продуктивно, но при этом не ограничивает возможности выбора.

Ясно, что цели и ценности устанавливаются тут все равно не позитивной наукой, а политической идеологией, что делает справедливой критику «либертарианского патернализма» с точки зрения либерализма. Это действительно может подрывать устои свободного рынка и подавлять самостоятельность деятелей, что в перспективе чревато серьезными экономическими и социальными проблемами. Вмешательство государства всегда склонно к безудержному росту, а «подталкивание» вполне можно рассматривать как

вежливую форму манипуляции людьми, которая легко может перерасти в их неправомерное использование. Однако в ответ можно сказать, что ограничение влияния государства не является особой миссией поведенческой экономики, а подчеркивание особого характера подталкивания уже содержит в себе критику сильных форм манипуляции. Поведенческая экономика настаивает на том, что подталкивание – хорошо, а пинки – плохо.

Вместе с тем сторонники сильного вмешательства государства в жизнь граждан, этатисты, упрекают теорию подталкивания в том, что это слишком вежливое вмешательство срабатывает медленно и не позволяет централизованно и унифицированно управлять всем населением. Поведенческие экономисты отвечают на это, что медленность и нестереотипность такого типа управления повышает шансы его успешности, поскольку именно эти особенности способствуют активизации «Системы-2», т.е. собственно рациональности.

Такой выбор срединной позиции между крайностями либерализма и патернализма (этатизма) проявляет диалектический характер поведенческой экономики. На это же указывают и некоторые другие ее элементы (например, организация совместных исследований идейных противников). Правда, диалектика в той форме, в какой она используется в поведенческой экономике, – не столько гегелевская, а восходящая к Античности. Со времен Сократа диалектика – искусство совместного рассуждения, нередко деградирующее до умения просто побеждать в споре. Прием такой диалектики и является поиск истины через сопоставление противоположных позиций и нахождение их удачного синтеза. Но в диалектике до Гегеля это – лишь один из приемов, тогда как в гегелевской диалектике – главный. Поведенческая экономика, как это и подразумевается в догегелевской диалектике, тактически применяет этот прием для продуктивности исследований, но не делает это применение постоянным и принципиальным, как это свойственно гегельянству, включая марксизм.

Эта черта, как и некоторые другие, сближает поведенческую экономику с диалогизмом. Диалогизм – направление в философии, науках и культуре в целом, утверждающее, что диалог – суть человеческого существования или, по крайней мере, ключевой фактор его развития. В диалогизме диалог считается сущностью подлинного научного развития. Наука – большой диалог, в котором каждый ученый, отвечая на вопросы своих предшественников, формулирует вопросы своим преемникам. Но наука – не только поддержание традиции, это – и кооперация ученого с коллегами в усилиях самоопределения, притязания на значимость и открытие. Это особенно справедливо в отношении поведенческой экономики. Она формировалась в тесных взаимодействиях, спорах и дружбе ученых, в своих диалогах, находящих самые нетривиальные проблемные места предшествующей экономической традиции, гипотезы их преодоления и способы их проверки.

Однако в отличие от более явных концепций диалогизма поведенческая экономика не утверждает, что диалог – универсальная цель, в том числе и для научного исследования. Поведенческая экономика ставит задачи

прежде всего развития науки и улучшения под этим влиянием жизни людей, используя диалог и диалектические приемы просто как удачные средства. Поведенческая экономика в конкретных концепциях далеко не всегда согласуется с диалогизмом. Например, в случаях, когда подталкивание используется без ведома или согласия подталкиваемых, оно выливается в монологизм. Правда, в этом случае либеральный патернализм теряет свой либеральный характер. А это значит, что моральная поведенческая экономика совпадает с диалогической праксиологией.

Но подразумевает ли требование моральности поведенческой экономики отрицание экспериментов? В действительности, экспериментаторство не чуждо и самому диалогизму, ведь вне его найти наилучший путь общения с собеседником попросту невозможно. Диалог – насквозь реализация метода проб и ошибок. Диалог постоянно подразумевает влияние и создание искусственных условий. Нельзя вести диалог и неотступно следовать только наблюдению и теоретизированию. Но это и не значит, что эксперименты могут использоваться вне информированного согласия испытуемого, а это – установившаяся практика в современной науке. Верно, что испытуемый далеко не всегда знает, на что именно соглашается, но это – часть сделки, заключаемой с пользующимся доверием испытателем. И именно этому пути стремится соответствовать поведенческая экономика.

Но далеко не все в поведенческой экономике удачно сочетается с диалогизмом. Поведенческая экономика базируется на позитивистском образе объективной, сторонней или невовлеченной позиции исследователя. Эта идея далеко не нова, она имела место еще в древней философии в связи с поиском такой точки зрения, которая вела бы к истинному знанию, а не к очередному мнению. В древних, средневековых и даже новоевропейских культурах такая точка зрения ассоциировалась с божественным взглядом на мир. Ее отличие от привычного человеческого взгляда у Аврелия Августина описано так: каждый из нас понимает, что одушевленное существо выше неодушевленного, но кто из нас хотел бы видеть на столе мышь, а не хлеб? Следует также отметить, что необразованные люди часто с непониманием относятся к научной точке зрения, что уже в Античности ярко иллюстрировалось историей со служанкой, поднявшей на смех Фалеса, засмотревшегося на звезды и потому упавшего в яму.

Позитивизм преобразовал эту идею, изъяв из нее сверхъестественный компонент. Конт утверждал, что древние люди объясняли происходящие события посредством мифов о богах, затем философы стали объяснять все потусторонними принципами, и лишь в современности ученые нашли настоящее знание, исследуя факты. Точка зрения ученого по-прежнему не совпадает с повседневным взглядом, но не потому, что ученый получает божественное откровение или приобщается к каким-то «чистым сущностям», а лишь потому, что наука интегрирует большое количество опытных данных, отказываясь от ненаучных способов их обработки типа интуиции, толкования из веры в определенные догмы и необоснованного обобщения. Такая точка зрения нередко называется объективной, поскольку подразу-

меваются, что она полностью соответствует тому, что происходит в объективном (то есть познаваемом) мире. Ее также называют истинной позицией, поскольку сама истина в позитивизме понимается как соответствие фактам (теория адекватности или корреспондентная концепция истины).

В утилитаризме, направлении в этике, тесно интегрированном с позитивизмом, подчеркивается значение занятия сторонней позиции для наилучшего решения любой моральной проблемы. Например, возьмем классическую дилемму вагонетки. Если неуправляемая вагонетка несется по рельсам, к которым привязаны пять человек, то с точки зрения утилитаризма совершенно разумно при прочих равных перенаправить ее на другой путь, к которому привязан только один человек. Но это очевидно только для невовлеченной позиции, если же этот один человек – ваш друг или даже если именно вы должны взять на себя ответственность за перевод стрелок, то проблема становится неразрешимой или решаемой неверно. То, что для адекватного принятия решений необходимо принять стороннюю позицию, основанную на объективной информации, – важнейшее допущение и поведенческой экономики.

Идеи невовлеченного наблюдения в поведенческой экономике в продолжение традиции бихевиоризма означает также недоверие чистому самонаблюдению. Данные, полученные с помощью интроспекции, по крайней мере, используются с очень большой долей осторожности. Самонаблюдение опасно тем, что постоянно подменяет настоящие данные теми, которые воображаются на основе образа себя, ранее сложившегося у человека. Это происходит в так называемой «рационализации», когда человек представляет себя принявшим на основе хорошего самоконтроля более адекватное обстоятельствам решение, чем это имело место в реальности.

Интроспекция становится практически бессмысленной в случае, когда исследуемому свойственны сильные отклонения в сторону нарциссизма и макиавеллизма. При нарциссическом расстройстве личности интроспекция выливается в потоки практически театральных монологов, тогда как при макиавеллизме человек думает только о том, как подменить данные, чтобы успешнее манипулировать тем, кто захочет этими данными воспользоваться. Все это вынуждает признать, что интроспекция не может использоваться как самостоятельный научный метод, но допустима лишь как дополнение к собственно научному объективному описанию.

Бихевиоризм описывает прежде всего наблюдаемое извне поведение – реальные действия, рассматривая их как реакции на стимулы окружающей среды, – при таком описании нет существенного различия между животными и человеком. Это позволяет даже с известной долей приближенности использовать данные этологии (исследований поведения животных) в психологии, социологии и экономике. Но несмотря на то, что и в поведенческой экономике главным осталось внимание к внешне наблюдаемым фактам поведения, важным аспектом анализа стало выявление его познавательных оснований, опирающееся на методологию когнитивной психологии.

Когнитивная психология сосредоточена на изучении промежуточных факторов между стимулом и реакцией, позволяющих объяснить нелинейное их отношение. Например, если нейтральный стимул вызывает крайне позитивную реакцию, то фактором, повлиявшим на это нарушение последовательности, может быть сформированная предшествующим опытом ассоциация образов этого стимула с положительным подкреплением, наградой. Посредующие процессы часто сложны и описываются сложными моделями, уподобляющими познание и мышление компьютерным алгоритмам. Алгоритмы познания часто содержат в себе источники ошибок, которые могут корректироваться для последующего успешного решения задач. Это раскрывает широкие возможности для влияния когнитивистики на праксиологию, что и вылилось в формирование поведенческой экономики.

Конечно, сказанное выявляет далеко не все философские истоки поведенческой экономики, некоторые из них лежат вне чисто академической сферы. В некоторых элементах поведенческой экономики можно обнаружить множество интеллектуальных влияний, даже следы культуры постмодерна. Это касается, например, контекстуализма многих разработок вне подчинения их единой систематической теории, что напоминает идеи полицентризма и методологического анархизма. Акцент на изучении конфликтов, а не согласованности «Системы-1» и «Системы-2» вполне соответствует постмодернистскому смещению внимания с единства на разрывы и несоответствия. В критике образа всеведущего эксперта и особых типах научной кооперации хорошо просматривается идея смерти автора. Впрочем, это интеллектуальное влияние не стоит переоценивать – ясно, что науки в постмодернистской культуре приобретают ряд черт этой самой культуры, что далеко не значит, что эти черты принимаются учеными осознанно и существенно влияют на теоретическое ядро концепций.

Гораздо более значимый исток по меньшей мере стилистики популяризации поведенческой экономики обнаруживается в еврейской культурной традиции, к которой принадлежат ключевые исследователи поведенческой экономики. Передача материала через поучительные и часто веселые истории, простота и конкретность, избегание спекулятивности, принципиальности, тотальности и утопичности рассуждений, использование повторов, обогащаемых новыми содержаниями, критицизм и рациональный скептицизм, некоторые элементы методологического анархизма и поиск нестандартных решений, а также рационализированный оптимизм делают поведенческую экономику чрезвычайно популярной в западном мире не только среди профессиональных экономистов и психологов, но и среди самых широких групп населения, интересующегося способами эффективных преобразований своих решений, касающихся хозяйственной жизни. Это также сближает поведенческую экономику с диалогизмом, в одном из наиболее распространенных вариантов этого течения опирающемся на аналогичную стилистику, возникающую из того же культурного корня (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси и др.).

Итак, выявление важнейших философских оснований поведенческой экономики (эмпиризма, позитивизма, бихевиоризма, либертарианства, утилитаризма, прагматизма и др.) делает более ясным ряд логических и методологических, структурных и стилистических, этических и социально-политических аспектов поведенческой экономики. То, что эти философские направления сильнее всего представлены в англо-американской интеллектуальной традиции, должно заставлять представителей европейских культурных и научных кругов с большим вниманием относиться к их выявлению и рассмотрению для того, чтобы лучше раскрыть возможности понимания и применения самой поведенческой экономики. Параллелизм ряда черт поведенческой экономики с диалогизмом задает продуктивность возможности формирования единой концепции, которая могла бы выступить важным идейным и стилистическим развитием данной традиции.

Поступила в редакцию 30.04.2021